

Check against delivery

Выступление представителя Российской Федерации на 5-й сессии Межправительственной рабочей группы по разработке юридически обязывающего документа о транснациональных корпорациях и других предприятиях в контексте прав человека

Статьи 6 (Legal Liability)

Благодарю Вас, господин Председатель,

В своем заявлении на предыдущих заседаниях подчеркивали, что концепция уголовной ответственности юридических лиц не используется в российской правовой системе и наличие такого обязательства стало бы препятствием для присоединения России к международному договору. Исходим из этого и при оценке статьи 6 проекта, ядром которой является именно идея привлечения юридических лиц к уголовной ответственности.

Настаивали бы на том, что проект конвенции должен устанавливать стандарты защиты прав человека в рассматриваемой сфере, а не предопределять конкретные механизмы, с помощью которого государство могло бы их обеспечивать, в том числе, конкретные виды ответственности. В этом контексте полагали бы важным исключить, в частности, неоднозначную формулировку «эквивалент уголовной ответственности» («criminal liability and its equivalent»).

Вызывает вопросы и представленный перечень преступлений, в отношении которого государство должно установить уголовную, гражданскую или административную ответственность юридических лиц (пункт 7 статьи 6). Во-

первых, большая часть из перечисленных в данном пункте преступлений, очевидно, относится к вопросам международного гуманитарного права, а не защиты прав человека в условиях осуществления ТНК предпринимательской деятельности. В этой связи вновь вынуждены констатировать «размытие» сферы регулирования будущей конвенции.

Во-вторых, пункт, среди прочего, базируется на понятийном аппарате Международного уголовного суда с прямой ссылкой к Римскому статуту (свою подпись под ним Россия отозвала). В-третьих, не во всех случаях понятно, что разработчики понимают под тем или иным преступлением (подпункты «h» – «k» указанного пункта). Отсутствие четкого представления о содержании обозначенных преступлений создает риски неоднозначного толкования будущего документа, что повлечет дополнительные трудности при его реализации. При этом важно подчеркнуть, что некоторые из перечисленных составов преступлений, очевидно, отсутствуют в российском законодательстве – в том числе «внесудебная казнь», «насильственное выселение», «насилие, основанное на гендерном различии».

Не можем также поддержать пункт 9 статьи 6, который прямо предусматривает обязанность государств установить уголовную ответственность юридических лиц за уголовные преступления, как они определены в его законодательстве («criminal offences as defined by their domestic law»). Закрепление такой общей обязанности государства безотносительно к защите прав человека в конкретной сфере не может быть

предметом проекта конвенции и не входит в мандат Рабочей группы.

По аналогичным причинам, на наш взгляд, требуется доработка и пункта 1 статьи 8, закрепляющего обязанность государств по принятию необходимых законодательных и иных мер для обеспечения неприменения отдельных процессуальных механизмов в отношении рассмотрения всех нарушений международных прав человека и международного гуманитарного права, которые составляют наиболее серьезные преступления для международного сообщества в целом («all violations of international human rights law and international humanitarian law»). Не ясно, что именно понимается в данном пункте под «наиболее серьёзными преступлениями» и охватываются ли этим понятием все «нарушения международного права прав человека», как это следует при буквальном прочтении данного положения.

Категорически возражаем против идеи отмены срока давности по широкому спектру деяний, подавляющее большинство которых явно не относится к тяжким международным преступлениям (таким, как военные преступления или преступление геноцида). Подобного рода «прогрессивное нормотворчество» нанесло бы серьезный ущерб основополагающим принципам уголовного правосудия и публичному порядку государств.

Благодарю Вас.

